

Ионова Зинаида Николаевна

старший преподаватель Сочинского института
Российского университета дружбы народов

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ
И РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ
НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ
В 40-Х ГГ. XX В.**

Ionova Zinaida Nikolayevna

Senior Lecturer, Sochi Institute,
Peoples' Friendship University of Russia

**COOPERATION OF
GOVERNMENT AUTHORITIES
AND RELIGIOUS ORGANIZATIONS
IN THE BLACK SEA COAST OF
THE KRASNODAR TERRITORY
IN 1940-S**

Аннотация:

Проблемы традиционной, в том числе и религиозной идентичности, достаточно часто привлекают внимание исследователей, но особенности религиозных ситуаций в регионах до сих пор остаются малоизученными. Определяющее воздействие на религиозный ландшафт Черноморского побережья оказала политика Советского государства, что и явилось предметом данного исследования наряду с религиозной ситуацией в регионе.

Ключевые слова:

церковь, государство, религиозная ситуация, государственно-конфессиональная политика, Совет по делам Русской православной церкви, Совет по делам религиозных культов, религиозные объединения, Михайло-Архангельский собор, религиозное мировоззрение, бесцерковные районы, Черноморское побережье Краснодарского края.

Summary:

The problems of traditional identity, including religious one, attract attention of researchers quite often, but the peculiarities of religious situations in the regions are still insufficiently studied. The article studies the policy of the Soviet Union that has influenced decisively the religious landscape of the Black Sea coast. The author also discusses the religions situation in the region.

Keywords:

church, state, religious situation, state confessional policy, Council for Russian Orthodox Church's Affairs, Council for Religious Affairs, religious organizations, Archangel Michael Cathedral, religious outlook, districts with no churches, Black Sea coast of Krasnodar Territory.

Актуальность темы исследования обусловлена возвратом религии на арену общественно-политической деятельности в конце XX в. В современной России идут поиски новой, оптимальной системы государственно-конфессиональных отношений, в связи с чем возрастает интерес к изучению исторического опыта взаимодействия государства и религиозных организаций. Сегодня религиозные организации активно заявляют о себе, ведут просветительскую, социальную деятельность, являются весомым институтом складывающегося гражданского общества, субъектом политической жизни России. Роль конфессий в современном российском обществе требует изучения, также представляется необходимым переосмысление их исторического пути.

В 20–40-х гг. XX в. советская власть в борьбе со своим основным идеологическим противником – религиозным мировоззрением повсеместно закрывала церкви и молельные дома, подвергала репрессиям священников, жестко контролировала осуществление религиозных обрядов. В итоге в 1941 г. в Краснодарском крае функционировало лишь семь церквей православной конфессии, других зарегистрированных религиозных объединений не было, на Черноморском побережье края большинство районов были бесцерковными [1].

В ходе Великой Отечественной войны общий курс советского руководства изменился, в политической доктрине получили распространение идеи веротерпимости, компромисса, сотрудничества с религиозными организациями. Установлению диалога с религиозными организациями способствовали прежде всего трудности, которые испытывало население в период войны, и патристическая позиция духовенства. По мнению В.И. Алексеева и Ф. Ставру, на либерализацию отношений с религиозными организациями повлияла и религиозная политика фашистской Германии на оккупированных территориях [2, с. 108]. Советское правительство, стремясь пропагандистски ответить на религиозно терпимую политику немецких властей в оккупированных территориях, одновременно хотело использовать религиозный ресурс для установления более тесных связей с союзниками. Англия и США, несмотря на светский характер государственности, были против антирелигиозной политики коммунистического режима. Так, например, Черчилль и Рузвельт в беседе с Молотовым в июне 1942 г. ссылались на затруднительность сотрудничества с воинствующе атеистическим сталинским режимом [3, с. 117].

Таким образом, совокупность вышеперечисленных факторов способствовала переходу советских руководителей от конфронтации с конфессиями к более лояльной политике.

В 1943–1980 гг. взаимодействие между государством и религиозными организациями строилось на ленинских принципах, выработанных в дооктябрьский период, однако вектор государственно-конфессиональной политики изменился. Советское руководство перешло от репрессий к идеологическим способам воздействия на верующих: разрабатывались пути и методы систематической, последовательной идеологической борьбы с религиозным мировоззрением, была создана система централизованных органов, контролирующая религиозные организации: Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров (с 1946 г. – Совет министров) СССР (1943–1965 гг.) и Совет по делам религиозных культов при Совете народных комиссаров (Совет министров) СССР (1944–1965 гг.), а после их слияния в 1965 г. – Совет по делам религий (1965–1991 гг.).

Наряду с созданием общесоюзных органов, взаимодействовавших с религиозными объединениями, в республиках, обл(край)исполкомах учреждались должности уполномоченных Советов. В Краснодарском крае уполномоченным Совета по делам РПЦ в 1943 г. был назначен И.И. Кириллов, уполномоченным Совета по делам религиозных культов в декабре 1944 г. – Ф.Ф. Пашенко [4, л. 140].

Уполномоченные Советов по делам РПЦ и по делам религиозных культов были представителями Советов в регионах. Наряду с контролем за соблюдением религиозными организациями советских законов о культах Совет также определял важными функциями уполномоченных изучение анкет священнослужителей, регистрацию последних или снятие их с учета. В письме Совета уполномоченным читаем: «В основном обязанности... состоят в том, чтобы религиозные общины, их исполнительные органы и священники не приступали к работе без регистрации уполномоченного Совета» [5, л. 114].

На местах, в частности на Черноморском побережье Краснодарского края, большую помощь уполномоченным в предоставлении информации о религиозной ситуации в регионах, контроле и профилактической работе с религиозными организациями оказывали созданные в 1966 г. комиссии содействия за соблюдением советского законодательства о культах. По словам Г.П. Польской (председателя комиссии содействия в Лазаревском районе г. Сочи Краснодарского края в 1984–1990 гг.), члены комиссии работали на общественных началах и не получали зарплаты за свою деятельность [6]. Советскому руководству удалось использовать активную жизненную позицию граждан, привлечь их к участию в государственных делах, в том числе к работе в различных комиссиях по контролю за деятельностью религиозных организаций. В случае обнаружения фактов нарушений законодательства о культах члены комиссий составляли акт и передавали материалы райисполкому, который и принимал меры. В Краснодарском крае работала тридцать одна комиссия, куда входило 350 человек. На Черноморском побережье края функционировало восемь комиссий, первая такая комиссия появилась в г. Сочи в 1963 г. [7, л. 151].

Советские руководители в середине 1940-х гг. пришли к вполне закономерной мысли о том, что легче контролировать централизованные религиозные организации, и способствовали созданию конфессиональных центральных органов. Данное положение подтверждается письмом заместителя Председателя Совета по делам религиозных культов Ю.В. Садовского уполномоченному Совету по делам религиозных культов по Краснодарскому краю Ф.Ф. Пашенко от 13.02.1945 г.: «Следует в первую очередь регистрировать те секты, которые имеют Всесоюзный центр» [8, л. 5]. Были созданы Московский патриархат, Духовные управления мусульман Средней Азии, Северного Кавказа и Дагестана, Закавказья, Всесоюзный совет Евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ), Всесоюзный совет Адвентистов седьмого дня (ВСАСД).

Среди всех зарегистрированных организаций лидирующие позиции в крае во второй половине 1940-х гг. оставались за Русской православной церковью. В период оккупации в Краснодарском крае было открыто 100 тихоновских и 92 обновленческих прихода [9, л. 30]. Православные приходы Черноморья входили в Екатеринодарскую и Кубанскую епархию, но до конца 1943 г. регион считался «бесцерковным». Так, например, по сводке уполномоченного Совета И.И. Кириллова за 1944 г., на территории Большого Сочи (большая часть Черноморского побережья Краснодарского края) находились:

- две недействующие церкви, занятые для хозяйственных нужд, в Центральном районе;
- две недействующие церкви в Адлерском районе;
- две недействующие церкви, используемые в культурно-просветительских целях, в Шапсугском районе;
- одна действующая церковь (Михайло-Архангельский собор, с 1944 г.) в Центральном районе [10, л. 6].

Первое после закрытия последнего храма в 1934 г. богослужение на Черноморском побережье края состоялось в Сочи 2 ноября 1943 г. в здании Михайло-Архангельского собора, пока еще закопченным и неухоженным. Первым настоятелем собора стал священник Д.Н. Гайдашев [11, л. 8].

Юридическое оформление религиозной общины Михайло-Архангельского собора началось весной 1944 г., когда был окончательно выработан механизм регистрации. В исполком горсовета депутатов трудящихся с просьбой о регистрации религиозной общины обратились 97 граждан. Впоследствии, 6 мая 1944 г. между общиной верующих и исполкомом горсовета в лице его представителя секретаря исполкома М.Х. Чингоса был заключен типовой договор о передаче верующим в бессрочное бесплатное пользование одноэтажного каменного церковного здания [12, л. 1–4]. Сочинская община была зарегистрирована в ноябре 1944 г.

Несмотря на постановления СНК СССР «О порядке открытия церквей» от 28.11.1943 г. и «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» от 19.11.1944 г., органы государственной власти на местах, в частности в Черноморье, стремились воспрепятствовать регистрации религиозных организаций и передаче им бывших церковных зданий [13]. Очевидно, срабатывал «механизм торможения» – слишком долго государство проводило непримиримую политику по отношению к религии, и местные советы не смогли так быстро перестроиться.

В данном контексте весьма показателен пример регистрации религиозной общины в Лазаревском. Группа граждан Лазаревского района г. Сочи Краснодарского края (представитель – Л.В. Литвинова) в мае 1944 г. обратилась в крайисполком Совета депутатов трудящихся с просьбой о регистрации религиозной общины и передаче ей здания бывшей церкви Рождества Богородицы, однако просьба не была удовлетворена. В течение двух лет граждане добивались регистрации, и только в 1946 г. религиозная община в Лазаревском была зарегистрирована. Верующие выбрали исполнительный орган и ревизионную комиссию во главе с П.Р. Стеблянским, приняли по описи церковное имущество и заключили договор с органами советской власти [14, л. 36].

Однако чаще всего Совет по делам РПЦ отказывал в регистрации приходов. Наиболее распространенными причинами отказа в регистрации были наличие действующего храма поблизости и использование здания для хозяйственных нужд (по этим причинам было отказано жителям Хосты и с. Веселое Адлерского района Краснодарского края) [15, л. 125, 135].

Нежелание местных органов власти регистрировать общины после Великой Отечественной войны вступало в диссонанс с патриотической позицией духовенства различных конфессий. Расчеты фашистов использовать в борьбе с Красной армией религиозный фактор не оправдались, православные приходы не превратились в «очаги антисоветской пропаганды», а стали «центрами «русизма»» [16, с. 501].

Православная церковь Кубани только за 1943 г. внесла на нужды Красной армии 3 093 300 р. [17, л. 4]. На Черноморском побережье края особенно значителен был вклад одной из первых открывшихся в 40-х гг. церквей – Михайло-Архангельского собора г. Сочи. Вклад собора на «патриотические цели» в 1944 г. составил 10,2 %, в 1945 г. – 9,4 % от общей суммы доходов церкви.

После победы над фашизмом священники, особо отличившиеся в сборе средств на нужды обороны, были награждены Правительством СССР. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви по Краснодарскому краю Литвинов представил шесть священников к вручению медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Среди них – протоиерей, настоятель церкви в Сочи Михаил Иванович Миноранский. В течение 1943–1945 гг., будучи настоятелем церкви в Тихорецке, в фонд помощи инвалидам и семьям погибших на фронте он передал более 100 тыс. р. [18, л. 32]. Такую же политику о. Михаил проводил и в Сочи. Примечательно, что из девяти настоятелей сочинского Михайло-Архангельского собора (служивших в 1944–1954 гг.) четверо воевали на фронтах Великой Отечественной войны: Г.М. Павленко, В.С. Немухин, И.М. Кондратов, Г.С. Макушкин.

Советская власть взаимодействовала с представителями РПЦ и в деле контроля за состоянием религиозной ситуации в регионе. Как следует из доклада протоиерея М.И. Миноранского епископу Краснодарскому и Кубанскому Флавиану, священники при отчете должны были подробно ответить на вопросы, касающиеся сектантства: какие имеются секты в приходе, какой конфессии, какие принимаются меры охранительного характера, имеются ли общины старообрядцев и хлыстов и т. д. [19, л. 1].

На все эти вопросы М.И. Миноранский дал отрицательный ответ. Последние неправославные организации были закрыты в Сочи в 1937 г., а в г. Туапсе в 1933 г. были репрессированы члены религиозных групп Евангельских христиан-баптистов [20, л. 35]. Моноконфессиональность Черноморского побережья была нетипичной для Краснодарского края и вызвана, по нашему предположению, тем, что побережье использовалось как курортная зона с особым режимом регистрации и контроля. Однако на остальной территории Краснодарского края легализовать свое положение сектантам позволила религиозная политика оккупантов, сыгравшая, таким образом, важную роль не

столько в религиозном возрождении (верующие часто сами способствовали открытию храмов), сколько в становлении поликонфессиональности региона. Уже в 1946 г. в Краснодарском крае насчитывалось 287 религиозных организаций различных конфессий [21, л. 11]. В отчете уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Краснодарскому краю Ф.Ф. Пащенко за 1946 г. фиксируется наличие 63 религиозных организаций семи конфессий (в отчете не учитывались 223 прихода РПЦ и незарегистрированная община Христиан веры Евангельской) [22, л. 33]. В 1946 г. в Краснодарском крае было пять мусульманских общин [23, с. 242]. Мусульмане-шапсуги, жители Шапсугского района г. Сочи (ныне Лазаревский район), как пишет Ф.Ф. Пащенко, ходатайства о регистрации религиозных общин в Совет по делам религиозных культов не направляли [24, л. 2].

Завершая отчет о состоянии религиозной ситуации в Краснодарском крае за 1946 г., уполномоченный по делам религиозных культов делает вывод о том, что «в связи с победоносным окончанием Великой Отечественной войны и всевозрастающим улучшением благосостояния сектантские организации перспектив не имеют» [25, л. 24]. Однако в целом к концу 1940-х гг. XX в. роль религии в жизни советского общества возросла, что подтверждается дальнейшим ходом развития религиозной ситуации в последующие годы советской власти.

Ссылки:

1. ГАКК (Гос. арх. Краснодар. края). Ф. Р. 1519. Оп. 1. Д. 1. Л. 140.
2. Алексеев В.И., Ставру Ф. Русская православная церковь на оккупированной немцами территории // Русское возрождение. 1980. № 11. С. 91–118; № 12. С. 108–126.
3. История России. XX век. 1939–2007 / под ред. А.Б. Зубова. М., 2009. С. 117.
4. ГАКК. Ф. Р. 1519. Оп. 1. Д. 1. Л. 140.
5. АОАГС (Арх. отд. адм. г. Сочи). Ф. Р. 137. Оп. 1. Д. 288 (а). Л. 114.
6. Полевые материалы автора, интервью с Г.П. Польской, 10 октября 2012 г., Сочи, Лазаревский район, пос. Лазаревское.
7. АОАГС. Ф. Р. 248. Оп. 1. Д. 107. Л. 151.
8. ГАКК. Ф. Р. 1519. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.
9. ГАКК. Ф. Р. 1519. Оп. 1. Д. 27. Л. 30.
10. ГАКК. Ф. Р. 1519. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.
11. АОАГС. Ф. Р. 137. Оп. 1. Д. 288 (а). Л. 8.
12. ГАКК. Ф. Р. 1519. Оп. 2. Д. 377. Л. 1–4.
13. ГАРФ (Гос. арх. Рос. Федерации). Ф. Р. 6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 26–30, 58–59.
14. ГАКК. Ф. Р. 1519. Оп. 2. Д. 419. Л. 36.
15. АОАГС. Ф. Р. 137. Оп. 1. Д. 288 (а). Л. 125, 135.
16. Верт А. Россия в войне 1941–1945 : авториз. пер. с англ. М., 2001. С. 501.
17. ГАКК. Ф. Р. 1519. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.
18. ГАКК. Ф. Р. 1519. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.
19. АЕКЕ (Арх. Екатеринодар. и Кубан. епархии). Ф. 61. Оп. 1. Д. 203. Л. [1].
20. ГАКК. Ф. Р. 1519. Оп. 1. Д. 3. Л. 35.
21. ГАКК. Ф. Р. 1519. Оп. 1. Д. 27. Л. 11.
22. ГАКК. Ф. Р. 1519. Оп. 1. Д. 3. Л. 33.
23. Стругова М.Р. К вопросу о мусульманских общинах в Краснодарском крае в 1945–1953 гг. // Власть и общество: национальная политика и межэтнические отношения (исторический опыт и современность). 1906–2006 гг. Краснодар, 2006. С. 242.
24. ГАКК. Ф. Р. 1519. Оп. 1. Д. 27. Л. 2.
25. Там же. Л. 24.

References:

1. GAKK (*State Archive of Krasnodar Krai*), f. r. 1519, op. 1, d. 1, l. 140.
2. Alekseev, VI &, Stavrou, F 1980, 'Russian Orthodox Church in German-occupied territory', *Russian revival*, no. 11, p. 91-118; no. 12, p. 108-126.
3. Zubov, AB (ed.) 2009, *History of Russia. XX century. 1939-2007*, Moscow, p. 117.
4. GAKK, f. r. 1519, op. 1, d. 1, l. 140.
5. AOAGS (*Archive of Sochi Adm. Dep.*), f. r. 137, op. 1, d. 288 (a), l. 114.
6. Field data of the author, interview with GP Polskaya, October 10, 2012, Sochi, Lazarev district, Lazarevskoye.
7. AOAGS, f. r. 248, op. 1, d. 107, l. 151.
8. GAKK, f. r. 1519, op. 1, d. 2, l. 5.
9. GAKK, f. r. 1519, op. 1, d. 27, l. 30.
10. GAKK, f. r. 1519, op. 1, d. 3, l. 6.
11. AOAGS, f. r. 137, op. 1, d. 288 (a), l. 8.
12. GAKK, f. r. 1519, op. 2, d. 377, l. 1-4.
13. GARF (*State Archive of Russian Federation*), f. r. 6991, op. 2, d. 1, l. 26-30, 58-59.
14. GAKK, f. r. 1519, op. 2, d. 419, l. 36.
15. AOAGS, f. r. 137, op. 1, d. 288 (a), l. 125, 135.
16. Werth, A 2001, *Russia in the war of 1941-1945*, Moscow, p. 501.
17. GAKK, f. r. 1519, op. 1, d. 3, l. 4.
18. GAKK, f. r. 1519, op. 1, d. 1, l. 32.
19. AEKE (*Archive of Ekaterinodar and Kuban Diocese*), f. 61, op. 1, d. 203, l. [1].
20. GAKK, f. r. 1519, op. 1, d. 3, l. 35.
21. GAKK, f. r. 1519, op. 1, d. 27, l. 11.

22. GAKK, f. r. 1519, op. 1, d. 3, l. 33.
23. Strugova, MR 2006, 'On the issue of Muslim communities in the Krasnodar Territory in 1945-1953', *Power and society: national policy and interethnic relations (Historical Experience and the Present). 1906-2006*, Krasnodar, p. 242.
24. GAKK, f. r. 1519, op. 1, d. 27, l. 2.
25. GAKK, f. r. 1519, op. 1, d. 27, l. 24.